

ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС БОГАТСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ПО ДАННЫМ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

**В.А. ДЮКАРЕВ,
Е.А. СЕМИЧЕВА**

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: semicheva@bsu.edu.ru

В статье представлены результаты анализа категории «богатство» как составного элемента системы ценностей древнегреческого социума. Интерпретация данных античной трагедии и комедии V-IV вв. до н.э., как одного из наиболее репрезентативных источников периода, позволила определить характерные признаки и направления эволюции ценностного статуса изучаемой категории. Кроме того, удалось выявить взаимосвязь между социально-экономическими и ментально-психологическими изменениями в жизни Афинского полиса классического периода.

Ключевые слова: богатство, ценностные категории, ценностный статус, менталитет, античная драма.

Сегодня историческая наука развивается по пути антропологизации своего предмета, и одним из наиболее перспективных её направлений является изучение психологии и менталитета древних обществ, их отношения к внешнему окружающему миру и взаимоотношений внутри социума. Центральной составляющей мировоззренческой системы любого общества является аксиологическая парадигма. Ценности представляют собой «систему координат» жизни (в том числе мира повседневности), одну из важнейших актуализаций бытия, маркирующих границы идентичности человека в разные исторические эпохи. Неотъемлемой составной частью «модели мира», ее конституирующим элементом является концепция богатства и собственности, – она задает императивы поведения, формирует идеалы, определяет формы институционального опредмечивания этой модели[†].

При обращении к ценностной проблематике принципиальным является вопрос определения источниковой базы исследования. Изучение аксиологических установок человека античности до недавнего времени предпринималось преимущественно на основе данных философской традиции и, следовательно, предлагает некую идеальную модель, которую осознанно выстраивал греческий мыслитель. Реконструкция картины мира древнего грека, включающая ценности повседневности, требует привлечения разноплановых источников, среди которых наиболее репрезентативны тексты литературного характера. Трагедия и комедия всегда были сопряжены с агонем, и чем более точно и правдиво автор передавал присущие простому посетителю театра ценностные установки, тем больше были его шансы на успех. Следует заметить, что в силу жанрового своеобразия трагические и комические тексты позволяют исследовать заявленную проблему в разных ракурсах.

Являясь отражением философских и интеллектуальных споров времени автора (см. например: Eurip. El. 728-738; Aesch. Ag. 393-398; Eum. 538-542), а часто и реакцией на события года[‡], трагедия является важным источником при изучении различных элементов полисной идеологии. По мнению В.Н. Ярхо, трагедия, порождённая афинской демократией и обращённая ко всему коллективу граждан, была по своей природе предназначена для того, чтобы ставить на открытое обсуждение центральные вопросы общественной нравственности[§].

Данные комедии, безусловно, являются менее достоверными с точки зрения исторического факта, однако, именно они позволяют ощутить общий дух, настрое-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 12-31-01009.

† Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 223.

‡ Тронский И.М. История античной литературы. М., 1988. С. 111.

§ Ярхо В.Н. Трагедия. М., 2000. С. 8.

ние, царившее в обществе или в известной его части, так как главная цель аттической комедии состояла в том, чтобы возбудить веселое настроение зрителя и читателя, что невозможно без «безупречного попадания в его психологию простого человека»^{**}. Именно литературные тексты, на наш взгляд, позволяют избежать тенденциозности аристократической морали, которой отчасти страдают источники философской и исторической направленности, и выявить ценностный смысл исследуемой категории в сознании большинства граждан афинского полиса. Разновременный характер используемых сочинений дает возможность проследить эволюцию ценностного статуса богатства на протяжении V-IV вв. до н.э.

Исследование литературных, особенно поэтических текстов сопряжено с рядом трудностей. Поэтому методологически важен семантический анализ термина «богатство», тщательное выявление контекстов его использования авторами, характер ситуаций применения, что и позволяет проследить эмоционально-ценностное отношение автора и зрителей к исследуемой категории, а также изменение ее значимости в системе ценностей греческого общества.

Формирование отношения к богатству как ценности для древних греков связано с развитием товарного производства и появлением индивидуальной собственности на землю. Мощь и влияние родовой аристократии основывались на богатстве, полученном, прежде всего, от эксплуатации земли. По мнению Э.Д. Фролова, еще во времена Гесиода жизненной установкой афинянина являлось стремление к материальным ценностям^{††}:

Если к богатству (πλοῦσιος) в груди твоей сердце стремится, то делай,
Как говорю я, свершая работу одну за другой. <...>
Тот меж людьми и блажен и богат (ευδαίμων τε καὶ ὀλβος), кто, всё это
Усвоив, делает дело, вины за собой пред богами не зная...
(Hesiod. Lab. et Dies, 381-382, 826-828).

С появлением монеты, кроме землевладения, которое было прерогативой свободных граждан, все большее значение приобретает богатство в иных формах, которым обладают теперь и новые богачи – метеки – торговцы и ростовщики. Тем самым, граждане потеряли монополию на богатство, что привело к изменению отношения к исследуемой категории. Именно с этим, очевидно, связано появление в одной из речей Демосфена фразы о том, что «богачи – это ἀδίκαι (непорядочная) публика в целом» (Dem. XLIX, 68). Л. Картер пишет, что столь нелюбимая характеристика могла относиться исключительно к метекам^{**}. В продолжение этой мысли приведем утверждение Г. Мичелла: «...ведь для гражданина Афин (в отличие от богачей Демосфена) богатство никогда не являлось высшей ценностью и не могло стать главной целью его существования»^{§§}.

Обращаясь к литературной традиции, следует отметить, что к началу V в. до н.э. экономическое положение и влияние аристократической группировки в Афинах было достаточно велико, и Эсхил не испытывал необходимости обличения «новых богачей». Ни в одном из своих произведений автор для обозначения богатства не использовал наиболее подходящий по своей семантической структуре термин «πλοῦσιος» – обозначающий собственно богатство, изобилие^{***}. Примечателен в этом смысле отрывок из «Персов»:

Даже среди горестей
Душе дарите радость каждодневную,
Ведь после смерти счастья и в богатстве (ευδαίμων) нет.
(Aesh. Pers. 841 слл. Пер. Вяч. Иванова).

В данном случае автор не говорит о богатстве специально, рассуждая о страхе перед смертью и ценности жизни, однако, индикатором счастья он называет именно

^{**} Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1982. С. 181.

^{††} Фролов Э.Д. Прибыль и предприниматели в античной Греции // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997. С. 6–48.

^{**} Carter L.B. The Quiet Athenian. Oxford. 1986. P. 76.

^{§§} Michell H. The economics of ancient Greece. Cambridge, 1957. P. 15.

^{***} Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/>

богатство. *εὐδαιμόν* означает не только «богатство», но и «успех», «счастье», «удача» и т.д. Уже само использование данного термина для обозначения исследуемой категории подтверждает значимость идеи благосостояния в аристократической и имущественной элите древнегреческого социума периода ранней классики. Однако ещё показательнее, что *εὐδαιμόν* – это распространенное обозначение цели и смысла жизни человека в Древней Греции^{†††}, то есть Эсхил не только не осуждал богатство, но и считал стремление к нему вполне естественным и одним из смыслообразующих элементов жизни (см. также Supp. 524).

Значительно более острой становится проблема определения отношения к богатству в древнегреческом социуме во времена Софокла. В одной из своих «ранних трагедий»^{†††} автор пишет:

И не безумное ли предприятие –
Борьба за власть без денег и друзей?
Тут надобны сторонники и деньги!

(Soph. O.T. 512 слл. Пер. С. Шервинского).

Здесь власть совершенно очевидно связывается с богатством, без которого невозможно её достижение и осуществление. Автор продолжает традицию Эсхила, применяя тот же термин *εὐδαιμόν* и считая богатство одним из важнейших критериев успеха и благополучия человека:

О деньги! Власть! О мощное орудье,
Сильней всех прочих в жизненной борьбе <...>
Кто меж нас у владык судьбы
Счастья (*εὐδαιμόνος*) большую долю взял...

(Soph. O.T. 1190 слл.).

В более поздних произведениях Софокла встречается несколько иное отношение к богатству. В одном из пассажей «Электры» автор устами главной героини говорит:

Когда бы обещали
Мне все дары, столь лестные тебе,
Я все ж не покорилась бы... Да будет
Твой пышен стол и жизнь твоя роскошна (*πλοῦσιον*), –
А мне одна лишь пища: дух свободный.

(Soph. El. 341 слл. Пер. С. Шервинского).

При обозначении богатства применяется термин «*πλοῦσιος*», который имеет более узкое значение и семантически не воспринимается героиней и автором как ценность. Более того, впервые богатство как материальное благосостояние противопоставляется свободе, сохраняющей статус одной из важнейших ценностей древнегреческого социума.

Хотя Еврипид был моложе Софокла всего на 12 лет^{§§§}, именно в его трагедиях нашли отражение кризис традиционной полисной идеологии и поиски новых мировоззренческих путей. Цензовые слои, основывающие свое преобладание на силе денег, Еврипиду глубоко антипатичны. С другой стороны, в афинской демократии его пугает паразитическая неимущая масса граждан, требовавших для себя участия в народном собрании, а порой мечтавших и о переделе имущества состоятельных слоев^{****}:

...В городе
Три класса есть: во-первых, богачи,
Для города от них нет пользы... Но опасны
И бедняки, и чернь, когда своё подъявляют на имущих
Отравленное жало. Лишь средний класс
Для города опора; он законам потворствует и власти.

(Eur. Supp. 238-250. Пер. И. Анненского).

^{†††} Adkins A.W.H. Moral values and political behaviour in Ancient Greece: from Homer to the end of the Fifth centuries. London, 1972. P. 85.

^{†††} Петровский Ф.А., Ярхо В.Н. Комментарии // Софокл. Трагедии. М., 1988. С. 472.

^{§§§} Тронский И.М. Указ. соч. С. 140.

^{****} Glotz G. Ancient Greece at Work. New York, 1926. P. 214.

Далее в этой же трагедии Еврипид подчёркивает, что все граждане имеют одинаковые политические права, независимо от их имущественного положения:

... А богатство

Для нас не власть верховная – бедняк
Такой же гражданин.

(Eur. Supp. 407 слл.; ср. Васс. 902 слл. Пер. И. Анненского).

Таким образом, текст Еврипида демонстрирует открытость слоя имущественной элиты, которую своим примером показывают гражданам Афин разбогатевшие метеки. Знатность и благородство происхождения уже не обеспечивают богатства и не играют прежней роли в этической системе древних греков: «Но на что благая кровь, коль ей богатством не венчаться? Злая бедность задушит славу имени» (Eur. El. 31; 364 слл; см. также El. 1131; Phoen. 404 слл.). Богатство перестает восприниматься афинянами как неотъемлемый спутник успешности и аристократизма. В то же время, растет самостоятельная ценность материальных благ: «Для мудрого, мой мальчик, бог один – богатство, да!» (Eur. Sus. 315 слл.). В ряде случаев Еврипид вновь обозначает богатство термином *ευδαίμων*, связывая его со смыслом жизни простого афинянина:

Вся горишь ты, царица, счастьем (*ὀλβιος*)
Вы, счастливы (*ευδαίμων*), для нас, бедных, –
Словно боги...

(Eur. I.A. 590 слл. Пер. И. Анненского; см. также Heracl. 608 слл.).

В то же время, для автора становится неприемлемым достижение богатства (*ευδαίμων*) любыми средствами: «зять милей и бедный нам, да честный, вас – порочных, хоть золотых мешков...» (Eur. Andr. 640; Med. 588 слл.). Более того, поскольку в отличие от большинства современных ему мыслителей, жизнь часто представляется Еврипиду капризной игрой случая, перед лицом которой возможно смирение, но никак не борьба⁺⁺⁺, ценностный смысл богатства выглядит сомнительным:

И, что оно богатство? Тень, название...
Да разве мудрый хочет быть богат?
Мы даже не владельцы наших денег,
Богам они принадлежат, богам:
Хотят – дадут, хотят – опять отнимут...

(Eur. Phoen. 549 слл. Пер. И. Анненского; см. также El. 938 слл.).

Действительно, для чего человеку стремиться к богатству, если: «В бездну судьба низвергает счастливого (*ευδαίμονα*), нищего в выси блаженства возносит» (Eur. Heracl. 608 слл.).

Таким образом, анализ ценностного статуса категории «богатство» на основе афинской трагедии V-IV вв. до н.э. позволяет проследить реакцию древнегреческого социума на изменения социальной и имущественной структуры афинского общества в исследуемый период. Эсхил рассматривал богатство как естественный атрибут человека благородного происхождения. Такие представления, свойственные, на наш взгляд, всей аристократической и имущественной элите, связаны с тем, что к началу классического периода истории Греции ещё не сформировался сильный и многочисленный класс состоятельных метеков, не разрушилась старая аристократическая система ценностей, в которой богатство, наряду с происхождением, являлось необходимым основанием благородности, честности и прочих характеристик, присущих *αὔθιοι*.

Творчество Софокла приходится на следующий этап преобразований в социально-имущественной структуре общества. Поскольку богатство перестаёт быть монополией аристократической элиты, то *αὔθιοι* вынуждены искать новый маркирующий признак, отличающий их от остального общества. Таким критерием выступает гражданский статус и связанная с ним свобода.

Однако, дальнейшее усиление расслоения аристократии привело к нивелированию признака происхождения для формирования структуры афинского социума. На первый план вновь выходит богатство. Семантическая структура категории возвращает ряд потерянных смыслов – богатство снова ассоциируется с одной из значимых целей жизни человека.

⁺⁺⁺ Тронский И.М. Указ. соч. С. 142.

Несколько иной ракурс рассматриваемой проблемы демонстрирует комедийный жанр древнегреческой литературы. Аристофан родился в лучшие годы перикловских Афин в семье состоятельного афинского гражданина, связанного с земельной аристократией. Главным действующим лицом своих комедий Аристофан сделал именно свободное крестьянство, поэтому неудивительно, что автор разграничивает ценности богачей и земледельцев (Eccl. 169 сл.):

Голодранцу по сердцу,

А богачу (πλοῦσιος) и пахарю (γεωργός) – не по сердцу.

Аристофан даёт понять, что богатство не может быть связано с честным и праведным земледелием (Plut. 489; Eccl. 583). Значительные материальные блага приносит торговля (Knigh. 85 сл.):

Кто пьян, тот и богат (πλοῦτος), и тороват во всем,

И счастлив, и догадлив, и находчив он.

Он в тяжбах побеждает и соседям мил.

Причем торговля, по мнению Аристофана, могла принести только нечестное, несправедливое обогащение (Plut. 1135). В таком случае нельзя согласиться с Л. Картером, который считает, что осуждению подвергаются только богачи из числа метеков, и связывает это не с их профессиональной деятельностью, а социальным статусом^{****}. Аристофан ясно даёт понять, что богатеют не только метеки-торговцы, но и граждане полиса: «Кто ж богател? Безбожники, ораторы, доносчики и негодяи...» (Plut. 1). Таким образом, можно предположить, что для автора не имеет значения правовой статус богача – для него важен сам способ обогащения (см. Plut. 535).

В то же время, нельзя отрицать, что героям Аристофана присуще желание разбогатеть (Thesm. 266, Plut. 802), для некоторых это даже становится смыслом жизни (Plut. 253, 322). Однако нравственная составляющая комедий состоит именно в демонстрации всех негативных проявлений богатства (Plut. 220):

Все так твердят! Но стоит им найти меня

И в самом деле, стать людьми богатыми (πλοῦτος),

Как тотчас превосходят всех негодностью.

Во всех своих комедиях автор тем или иным образом даёт понять, что материальное благо не главное, куда важнее оставаться честным и праведным (Plut. 748), а богатство, ведущее к корысти и скупости (Plut. 598), является деструктивным элементом в социальной модели афинского общества (Lysis. 486). Наиболее показательным в этом отношении замечание Аристофана о том, что одним из важнейших завоеваний демократии является презрение к богатству (Wasps. 548; Cloud. 1213), а материальное благополучие иногда может рассматриваться как наказание (Knigh. 911).

Важно отметить, что в своих произведениях Аристофан для обозначения богатства использует довольно узкий, наиболее подходящий по семантической структуре термин «πλοῦσιος» – обозначающий собственно богатство, изобилие^{§§§§}. Интересно, что в отличие от трагиков эпохи, Аристофан абсолютно не использует несколько абстрактный термин «ὄλβος» – счастье, успех, благословение, изобилие и т.д. Отказ от его использования свидетельствует о разграничении в сознании автора богатства и успеха (счастья) и несостоятельности критерия богатства как значимого для определения успешности человека.

Таким образом, для Аристофана и его аудитории богатство, вероятно, связывается в основном с торговой деятельностью. Однако осуждение негативных последствий обогащения не несёт какой-либо социальной окраски – осуждению подвергается способ обогащения вне зависимости от положения богача в социуме. По мнению автора, богатство не является порочным само по себе – Аристофан лишь отмечает его возможное пагубное воздействие на личность человека.

Для уточнения полученного вывода и выявления динамики ценностного статуса богатства в течение IV в. до н.э. мы обратились к комедиям Менандра. На протяжении почти целого тысячелетия его произведения пользовались широчайшей из-

**** Carter L.B. Op. cit. P. 79.

§§§§ Liddell H.G., Scott R.A. Ibid.

вестностью, их цитировали образованнейшие люди своего времени, а их автора нередко ставили на второе место после Гомера^{****}. Таким образом, данный источник, на наш взгляд, вполне объективно отражает представления древних греков о богатстве в середине IV в. до н.э.

В отличие от Аристофана, который рассматривает аскетизм как определённое благо для человека (Plut. 748), для Менандра бедность является негативным явлением, нигде в его комедиях мы не обнаруживаем какой-либо похвалы аскетизму и бедности, напротив (Dyskol. 210):

Бедность мерзкая,
Зачем ты нас терзаешь столько лет подряд?
Зачем к нам в дом явилась и непрошеной
В нем поселилась гостьей?

Идеалом для автора выступает состояние гармонии в материальном отношении: «Достаток скромный всех бы радовал тогда / (К зрителям.) Но, как видно, вас другое привлекает. Что ж, пускай!» (Dyskol. 748). Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в течение IV в. до н.э. привело к усилению дифференциации афинского общества. Богатство представляет собой самую осязаемую и всё более привлекательную ценность (Aspis, 120):

Но грезит об одном: богатство чье-нибудь
Прибрать к рукам. Он лишь о том и думает.

В отличие от общества времён Аристофана, важнейшую роль в котором всё ещё играли свободные земледельцы – небогатые, но вполне способные прокормить себя и свою семью, Менандр демонстрирует возрастающее значение богатой торгово-ремесленной верхушки Афинского полиса. Это естественно приводит к росту статуса богатства в иерархии ценностей древних греков (Dyskol. 795; 830).

Как отмечалось выше, значительную долю всех богачей в Аттике составляли метеки. Повышение ценностного статуса богатства неизбежно приводит к некоторой нивелировке положения граждан и метеков. Однако, несмотря на это, именно гражданский статус остаётся важнейшим индикатором значимости человека в обществе (Dyskol. 65; 309):

Иначе я веду себя, коль речь идет
О браке со свободной: тут уж выясню
Род, состоянье, нрав ее.

Если Аристофан связывает приобретение богатства с несправедливой деятельностью, которая неизбежно приведёт к наказанию (Plut. 377), акцентирует внимание на негативных сторонах процесса обогащения; говорит о том, что стремление к обогащению является чем-то противным добродетели, то ко времени Менандра ситуация кардинально меняется. Разорённые мелкие земледельцы, ремесленники уже охвачены стремлением к материальному благополучию. Автор видит своей задачей показать иллюзорность благополучия, достигнутого несправедливым путем, и неотвратимость справедливого воздаяния за свои дела (Dyskol. 277):

От зла в хмелю богатства, – и дела его
Пойдут иначе, примут оборот дурной.
Зато и те из бедняков, которые
Зла не творят и незавидный жребий свой
С достоинством несут – они заслуженно
Дождутся лучшей доли – только срок им дай!^{*****}

Таким образом, Менандр даёт понять, что истинное богатство человек получает за свою добродетель. Положение богача и бедняка могут качественным образом измениться всего за один день (Aspis, 420): судовладелец потерять товар в волнах (Eπίτηρ., 282), разориться при выполнении различных литургий или подвергнуться грабежу, а бедный юноша – обрести богатых родственников (Ρερίκ., 123). Поэтому, даже обладая значительным богатством, необходимо оставаться, прежде всего, доб-

**** Ярхо В.Н. Менандр – поэт, рожденный заново // Менандр. Комедии. Фрагменты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.rus.ec/>

***** Ср. Брюзга, 776; также: Антифан, фр. 204, II 268; Афиней, III 103е.

родетельным гражданином: «Иметь гораздо лучше друга явного, / Чем потайной, зарытый в подземелье клад» (Dyskol. 810).

Особое значение при этом приобретает наиболее архаичная форма богатства – земля. Во все времена именно инвестиции в землю являлись наиболее безопасным вложением. Её невозможно украсть; при надлежащем управлении она год за годом приносит стабильный доход; здесь могут быть построены различные производственные строения или организованы места торговли. Человек, имеющий неограниченное право собственности на большой участок земли, обладает экономической свободой, которую редко могут обеспечить лишь деньги^{****}. Именно земля становится для героев Менандра настоящим богатством и показателем успешности человека (Dyskol. 40; 849).

Необходимо отметить, что в комедиях Менандра, как и Аристофана, для обозначения богатства используется всего один термин – «πλοῦσιος». Отказ от применения понятий «ὄλβος» и «εὐδαιμόν», связанных с благополучием и счастьем, свидетельствует о том, что богатство потеряло для афинянина значение смысла жизни. Оно стало для него лишь средством для достижения цели, а не самой целью^{§§§§}. Таким образом, для авторов афинской комедии и их аудитории на первый план выходит моральная составляющая рассматриваемой категории.

Итак, представления о богатстве и его роли в жизни общества находятся в диалектической связи с социально-экономическим развитием Афин классического периода. Являясь важной составляющей картины мира античного грека, они стали коррелятом процессов, происходящих в имущественной элите древнегреческого социума.

Монополия изолированного слоя аристократии на богатство во времена Эсхила продуцирует отсутствие интереса автора к изучаемой проблеме. Аристократическая система ценностей кажется нерушимой и богатство, как ярчайший признак аристократизма, занимает в ней весьма высокое место^{*****}. Именно с этим связано использование для обозначения богатства терминов «ὄλβιος» и «εὐδαιμόν», свидетельствующее, что богатство служило не только признаком знатности и предпосылкой достижения почёта среди сограждан, но и одной из жизненных целей для многих афинян.

Проникновение в имущественную элиту негражданского населения привело к снижению ценностного статуса исследуемой категории. Уже Софокл практически исключает из своего лексикона указанные выше понятия. Используется только термин «πλοῦσιος» (богатство), то есть к IV в. до н.э. оно перестало восприниматься афинянами как синоним успеха и престижа. Софокл, как представитель аристократии, был вынужден искать новые признаки, отличающие «лучших» людей от «новых богатей». С этим связано некоторое противопоставление свободы и независимости богатству, нашедшее дальнейшее развитие в творчестве Еврипида и Аристофана. По мнению Еврипида, именно средний в имущественном отношении класс и составлял основу государственности в Афинском полисе. Богатство, как и бедность, не считались больше маркерами счастья/несчастья, отношение к богатству как жизненной ценности более вариативно и противоречно.

Последующее развитие товарно-денежных отношений и имущественное расслоение внутри афинского общества в течение IV в. до н.э. привели к дальнейшему изменению ценностного статуса рассматриваемой категории. Так, в первой половине века небольшие автаркические хозяйства составляли значительную часть в общей структуре сельскохозяйственного производства. Свободные земледельцы, живущие своим собственным трудом, оставались ещё достаточно значительным слоем общества, и именно на них делает ставку Аристофан и его аудитория: с этим связано осуждение богатства как деструктивного элемента социально-экономической системы полиса, и недоверие к его обладателям – метекам. Однако уже к середине века для Менандра и афинского общества становится очевидным превалирование процесса расслоения общества над стремлением к его консолидации в имущественном плане. Усиливается желание обрести богатство для реализации своих гражданских прав и

**** Schaps, David M. *Economic Rights of Women in Ancient Greece*. N.Y., 1979.

§§§§ Michell H. *Op. cit.* P. 66.

***** Burford A. *Land and labour in the Greek World*. Baltimore – London, 1993. P. 287.

стремлений, сохранения свободного положения в социуме. Роль богатства в иерархии ценностей растёт, при этом усложняются нравственные аспекты.

Для Аристофана бесчестным является сам способ обогащения – торговля, сопряжённая с обманом и корыстью. Богатство человека является индикатором его нравственного падения, отходом от традиционных добродетелей, особенно в отношении граждан полиса. Менандр не осуждает стремление к богатству, или какой-либо конкретный способ его достижения. Он лишь демонстрирует его зыбкость и вводит дополнительную моральную составляющую – справедливое воздаяние. Обретение и утрата богатства предстаёт теперь как показатель добродетельности человека – плохой человек неизбежно потеряет богатство, в то время как честный и порядочный рано или поздно получит. Общим для обоих авторов является демонстрация негативных последствий обогащения для его обладателя, но Аристофан свидетельствует об их предопределённости, Менандр же не считает их неотвратимыми: всё зависит от самого человека и путей достижения материального благополучия.

THE VALUABLE STATUS OF WEALTH IN REPRESENTATIONS OF ANCIENT GREEKS OF THE CLASSICAL PERIOD ACCORDING TO LITERARY TRADITION

**V.A. DYUKAREV,
E.A. SEMICHEVA**

*Belgorod National
Research University*

e-mail: semicheva@bsu.edu.ru

In article the authors presents some results of the analysis of a category «wealth» as component of system of values of Ancient Greek society. Interpretation of data of antique tragedy and comedy V-IV centuries BC as one of the most representative sources of the period, has allowed defining important signs and directions of evolution of the valuable status of a studied category. Besides, it was possible to reveal interrelation between social and economic and mentally-psychological changes in a life of the Athenian policy of the classical period.

Key words: wealth, valuable categories, valuable status, mentality, antique drama.